

Борис Краснов¹

ЭПИФОРА И АНАФОРА В ТЕКСТАХ ПСАЛМОВ И ВЕРЛИБРОВ

Квятковский А.П.² трактует эпифору (по-гречески — повторение) как стилистическую фигуру, противоположную анафоре. Если анафора это единоначалие, то эпифора — «единоконечие». Вот пример из книги Квятковского:

*Милый друг, и в этом тихом доме
Лихорадка бьёт меня.
Не найти мне места в тихом доме
Возле мирного огня.*

Это стихи Блока. Насколько удачен пример, не берусь судить. Кажется, эту строфу можно было бы употребить для иллюстрации и тавтологической рифмы. (Кстати, Квятковский о ней пишет тоже).

Эпифора — приём не столько чисто поэтического, сколько духовного слова. Если, к примеру, раскрыть Псалтирь, то множество анафор и эпифор мы сможем обнаружить в псалмах канонической Библии.

*«Нет языка, и нет наречия,
где не слышался бы голос их.
По всей земле проходит звук их,
и до пределов вселенной слова их... (Псалом 18 Давида)*

¹ **Краснов Борис Николаевич** родился 22 сентября 1953 г. в Ленинграде. В 1975 году окончил Электротехнический институт им. М.А. Бонч-Бруевича, работал на различных предприятиях ВПК. В настоящее время — ведущий инженер ОАО «РИМР». Поэт, прозаик, публицист, автор-исполнитель собственных песен. С 1997 года член Союза писателей России. Первые публикации стихов — в 1983 г., публикуется в журналах: «Аврора», «Нева», «Звезда», «Костёр» «Север», «Невский альманах» и др. Автор 6 книг стихов, прозы и критики (первая книга стихов — «Переменная облачность» — вышла в 1989 г.). Руководит Поэтической Мастерской при СПбО СПР. Живёт в Санкт-Петербурге.

² Квятковский А.П. — автор «Поэтического словаря» — М.: Сов. Энцикл., 1966. — 376 с.

Есть и более убедительные примеры:

*«Ибо псы окружили меня,
скопище злых обступило меня,
пронзили руки мои,
и ноги мои.*

Можно было бы перечесть все кости мои...

*Делят ризы мои
и об одежде моей
бросают жребий.*

*Но ты, Господи, не удаляйся от меня;
сила моя!*

поспеши на помощь мне.» (21 псалом Давида)

Во втором примере эпифора более многообразна, это уже не тавтологическая рифма: МЕНЯ, МОИ, МОЕЙ, МНЕ...

Псалмы пропитаны эпифорами, они — основа заклинаний и молений. Их суггестивная подоплёка несомненна. Это было известно древним: окончание фразы наиболее весомо, и его повторение имеет завораживающий, гипнотический эффект.

В псалмах Давида эпифор множество, они — основа его поэтики и суггестии.

Псалмы Асафа другие. Вот псалом 72. *«Я позавидовал безумным, видя благоденствие нечестивых»*, — это по сути законченный верлибр, лаконичная и образная мысль, не лишённая парадоксальности. При таких строках возникает недоумённый вопрос: кто автор сей красоты? Асаф? Или же безвестный толмач-славянин?

*«Оттого гордость как ожерелье обложило их,
и дерзость, как наряд, одевает их».*

Помимо явной эпифоры здесь видна и искусная звукопись: от-тоГО ГОрдость, оЖЕрелье облоЖИло, ДЕрзость... оДЕвает. У Давида мы не найдём таких аллитераций.

Примечателен, и весьма, 76 псалом Асафа.

*«Размышляю о днях древних,
о летах веков минувших;
Припоминаю песни мои и ночи,
беседую с сердцем моим,
и дух мой испытывает...»*

Здесь мы видим анафоры, буквально вложенные друг в друга: размышляю, припоминаю, беседую. И внутри: о днях древних,

о летах веков минувших... Здесь можно заметить, что анафора нередко сливается с перечислением. Границы стилистических приёмов условны, один приём накладывается на другой, и это свойство языка — полифоничного, многозначного и полисистемного.

Но вот, кажется, анафора несомненная из того же 76 псалома Асафа. Анафора (по Квятковскому) строфико-синтаксическая:

*«Неужели навсегда отринул Господь,
и не будет более благоволить?
Неужели навсегда перестала милость Его,
и пресеклось слово Его
в род и род?
Неужели Бог забыл миловать?
Неужели во гневе затворил щедроты свои?»*

И тут же вслед первой группе анафор следует вторая:

*«Буду вспоминать о делах Господа;
буду вспоминать о чудесах Твоих древних,
буду вникать во все дела Твои...»*

Странно, но, в отличие от Давида, Асаф как будто бы чурается эпифор. Анализ текстов (даже на таком примитивном уровне) показывает, что псалмы писали **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** два разных человека!

Открываем псалом Давида (Псалом 85) и снова эпифоры:

*«Наставь меня Господи, на путь Твой,
и буду ходить в истине Твоей;
утверди сердце моё в страхе имени Твоего»*

Анафора + эпифора — весьма эффективный приём суггестии и он встречается довольно часто: (Псалом 135)

*«Утвердил землю на водах,
ибо вовек милость его;
Сотворил светила великие,
ибо вовек милость его»*

Теперь уже теряются границы между эпифорой и банальным повторением. Является ли рефрен — эпифорой? Нет ответа. Все наши попытки загнать язык в рамки формул и определений обречены на неудачу. Это всё равно, что вычислить местоположение атома и одновременно его импульс. Увы, неопределённость Гейзенберга ещё никто не отменил...

Нельзя не отметить Псалом 89 (молитва Моисея, человека Божия) — трудно сказать, чья заслуга — Моисея или переводчика, но в псалме есть удивительные строки.

*«Все дни наши прошли во гневе Твоём;
мы теряем лета наши, как звук.
Дней лет наших семьдесят лет,
а при большей крепости восемьдесят лет;
и самая лучшая пора их —
труд и болезнь,
ибо проходят быстро, и мы летим...»*

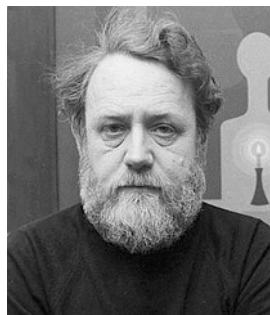
Здесь нет речи об анафоре или эпифоре, здесь сам смысл загадочен и многозначен. «Мы теряем лета наши, как звук» — что это? Поразительная метафора, потому что она заставляет задуматься не о потере лет (которая очевидна), а о потере ЗВУКА! Какой звук мы теряем? Речь ли свою, крик ли свой, отражённый эхом и всё равно гаснущий? Бог весть.

И почему лучшая пора жизни — «труд и БОЛЕЗНЬ»? И почему они проходят быстро? И куда потом мы летим?

Неразгаданная загадка оставляет внутри сосущее чувство неудовлетворённости. Неполноценности... Но, может быть, этого и добивался Моисей?

Анафору часто используют поэты-верлибристы. В верлибре она играет не столько функцию усиления (как в рифмованных стихах), а сколько функцию разделения. При помощи анафор и эпифор поэт может структурировать свободный стих, придавая ему композиционную цельность.

Очень характерно в этом смысле использование анафор Геннадием Алексеевым,³ ленинградским поэтом, архитектором по образованию, — мастером верлибра.

Алексеев Геннадий
Иванович

*«Смелость мастера:
всё творимое им —
неслышанная дерзость.»*

³ Алексеев Геннадий Иванович (18 июня 1932, Ленинград — 9 марта 1987, там же) — русский поэт, прозаик, художник, один из основоположников русского верлибра, кандидат архитектуры.

*Гордость мастера:
всё содеянное им
неповторимо.*

*Радость мастера:
всё рождённое им
способно жить.*

*Участь мастера:
всё увиденное им
не все увидят.*

*Горечь мастера:
всё совершенное им
несовершенно.*

*Торжество мастера:
он мастер!*

Верлибр перекликается по форме с псалмами, и это неслучайно. Строфика верлибра основана на синтаксической анафоре. Причём анафорой скреплены не только первые, но и вторые строки строф. Автор не повторяется, он постоянно варьирует строку, сохраняя синтаксическую схему: всё творимое, всё содеянное, всё рождённое, всё увиденное...

Часто у Алексеева такой ряд сопровождается эмоциональным усилением и в конце уже сильно отличается от начальной фразы. Это своего рода «уходящая» анафора. Вот только начальные строки «строф» из стихотворения «Доверчивый»:

- *Быть может, я неумен!..*
- *Быть может, я недотёпа?..*
- *Неужели я глупец?..*
- *Ну скажите же мне прямо, что я болван!..*

Использование анафор совместно с прямой речью очень характерно для поэтики Алексеева. Так он подчас строит не только монологи, но и диалоги.

Вот диалог автора с Сизифом, нарастающий эмоционально:

- *Давай помогу! — говорю я.*
- *Да не стоит, — говорит Сизиф, — я уже привык.*

— Давай покурим! — говорю я.
— Да не могу я, — говорит Сизиф, —
работы много.

— Чудак ты, Сизиф! — говорю я. —
Работа не волк, в лес не убежит.
— Да отстань ты! — говорит Сизиф. —
Чего пристал?

— Дурак ты, Сизиф! — говорю я. —
Дураков работа любит!
— Катись отсюда! — говорит Сизиф. —
Катись, пока цел!

Здесь так же, как и в предыдущем случае, при нарастании эмоциональности анафора как бы растворяется. Автор сознательно надевает на себя в этом воображаемом диалоге маску обывателя, выражающего мысли при помощи готовых штампов — поговорок. И замечательна последняя фраза Сизифа, привыкшего вкатывать камень на гору: «КАТИСЬ отсюда».

У Алексеева нередко фраза, начатая анафорой, завершается эпифорой:

*Я говорил ей:
не мешайте мне,
я занят важным делом,
я влюбляюсь.*

*Я говорил ей:
не отвлекайте меня:
мне нужно сосредоточиться —
я же влюбляюсь.*

*Я говорил ей:
подождите немного,
мне некогда,
я же влюбляюсь в вас!..*

Этот приём построения фраз с анафорой и эпифорой напоминает некоторые библейские псалмы Асафа. Характерно, что Алексеев использует тоекратное повторение (часто с усилением) одной и той же синтаксической конструкции. Это тоекратное

повторение обычно используется в сказках и других формах народного творчества.

*«Копали-копали,
выкопали человеческий череп.
Удивились.
стали копать в другом месте.*

*Копали-копали-копали,
выкопали ещё один череп.
Смутились.
принялись копать в третьем месте.*

*Копали-копали-копали-копали,
утомились, немного отдохнули,
снова стали копать,
откопали четвёртый череп.
испугались, перестали копать, задумались,
немного успокоились
и взялись копать в четвёртом месте...»*

Сегодня мало найдётся авторов, которые умело пользуются анафорой и эпифорой. Современная поэзия избегает повторов, она уплотнена до предела, она многообразна лексически, зачастую имеет сложный синтаксис. Суггестивное наполнение, свойственное заклинаниям, чуждо ей.

Но, возможно, всё это — временное явление, и анафора и эпифора ещё вернутся в арсенал поэтов, и нас ждут новые удивительные открытия в этом направлении и новой силы произведения. Как знать. Пути поэзии непредсказуемы...

Санкт-Петербург

Редакция журнала «На русских просторах» с прискорбием сообщает о том, что 1 декабря на семидесятом году жизни скончался автор журнала, член Союза писателей России с 1993 года поэт **МЕНЬШИКОВ Владимир Петрович**, и выражает глубокие соболезнования его родным и коллегам.